

Новогоднее настроение.

За окошком мороз студит улицы.
Пара дней до конца декабря.
Я – в пижаме, под фильмы Кустурицы
Шоколад ем от всех втихаря.

Ель наряжена, пахнет подарками,
Хвоей, свежестью, терпкой смолой.
Все хозяйшки – над мультиварками
Кулинарят и вьются пчелой.

Мандаринов на кухне – два ящика,
Тяжеленные, можно убить.
Не забыть новый веник у банщика
По дороге в парилку купить.

С чашкой чая – под плед. Кошка ластится.
Столько книг ещё не прочтено!
А берёза в заснеженном платице
Мёрзлой веткой стучится в окно.

Месяц май.

Месяц май совсем не долгий:
Зацветёт на даче хмель,
ГЭС закончит сброс на Волге,
Обнажив за мелью мель.

На кровавую охоту
Вылетает мошкара
И во вторник, и в субботу,

Не страшит её жара.

Заалеет бок клубники
Словно отблеском костра.
Отразит от солнца блики
В Волге спинка осетра.

При такой погоде вешней
День и ночь сидят скворцы
На краснеющей черешне –
Ждут десерта их птенцы.

Буйной зеленью играя,
Ветви вытянет сосна.
Растревожит грусть немая...
Просто кончилась весна.

На закате.

Хороша природа на закате:
Облака толпятся над рекой,
Небеса в карминовом халате
Провожают солнце на покой.

Колыхнёт вода лиловой рябью,
Поползёт клубящийся туман,
И, неровную, как кожу жабью,
Речку спрячет сумрачный обман.

Облака, как хлопья алой ваты,
Растворятся в сонной красоте.

И деревья, словно виноваты,
Поспешат растаять в темноте.

Облизав верхушки старых ёлок,
Солнце скроется из вида прочь.
Предзакатный час совсем не долог,
На престол взойдёт седая ночь.

На веранде.

Мы на веранде под козырьком
Как два потерянных дурака.
И не глотается в горле ком,
И нервно стул теребит рука.

Ты молча куришь, пуская дым,
И всей ладонью хватаешь дождь.
Был взгляд осмысленным, стал пустым.
Гадаю в страхе: "Уйдёшь? Уйдёшь..."

По крыше капли стучат в набат,
Летят в листву, на траву, в лицо.
Намокший, жалкий, проклятый сад,
Никчемный, как на руке кольцо.

Ты докурил, потушил бычок.
Мир стал на миг для меня незрим.
И лишь вдали песнь завёл свёрчок,
Как фон для тихого: "Поговорим?"

Шторм.

Ревёт высокая волна,
Клокочет море рьяно-злое,
И пены белая стена
Ложится на корабль слоём.

И вал за валом чередой
Шумит, грохочет, брызжет солью,
И пахнет в воздухе бедой,
И сердце отдаётся болью.

Мотает судно – сущий ад!
Стоишь на палубе неловко
И замечаешь невпопад:
До нитки мокрая штормовка.

Но крепче якорных цепей
У моряка стальные нервы.
В ряду масштабных эпопей
Шторм не последний и не первый.

В круговороте срочных дел
Потерян счёт пройденным милям.
Глядь, буревестник полетел:
Не скоро любоваться штилем.

Ропалик «Грешники»

Муж

Двери

Яростно

Квартирные

Распахивает.

Взгляд

Прячет

Грешница,

Ресницами

Помахивает.

Муж

Ищет

Признаки

Любовника

Безбашенного.

Мысль

Против

Разума,

Безумствами

Окрашенного.

Вдох-

Выдох,

Пойманы,

Внезапностью

Встревоженные.

Муж

Смотрит

Бешено,

Эмоции

Помноженные.

Всё

Скрыто,

Спрятано,

Лопатою

Закопанное.

Сном

Вечным

Грешники

Покоятся,

Неопытные.

Я – русская!

Я - русская! Горжусь своей страной,

Великой христианской Россией.

На свете нет похожей ни одной,

Сильнее нет, мощнее и красивей.

Люблю шум колыхания лесов,

Безбрежных нив желтеющее поле,

И акапеллу птичьих голосов

Готова слушать в радости и в горе.

Могу часами на закат смотреть,

Когда светила огненного око

Цепляет краешком земную твердь,

За горизонт спускаясь однобоко.

Спалённой жнивы чувствую дымок,
Чуть горьковатый и знакомый с детства.
Кто здесь родился, вырос, тот не мог
Не полюбить Россию с малолетства.

О книгах.

Отдохнуть от житейского ига,
Погрузиться в другие миры
Помогает отличная книга,
Как спасательный круг от хандры.

Достаем с книжной полки "лекарство",
Принимаем страничек пятьсот.
Окунаемся в древнее царство,
Мир чудес и волшебных красот.

Не читаешь, и книги пылятся
По шкафам, стеллажам и столам.
Тонны знаний в обложках таятся,
Чтоб отдаться при случае нам.

Чаще томики в руки берите,
Чаще слушайте шелест страниц
И в фантазиях чаще парите
Без забот, без тревог, без границ.

Моряк.

Лодка мчится вперёд неустанно
Под суровые всплески волны.
Море пляшет безумно, спонтанно,

Так, что думаешь: дни сочтены.

Но тебя не проймаёт рёв стихии,
В сердце прячется смелый варяг.
Одолеешь преграды лихие
Ты – Российского флота моряк.

Любишь штиль и стенания шторма,
Любишь синего моря вино.
Для тебя жить в опасности – норма,
И другого уже не дано.

Как шампанское пенятся волны,
Еле теплится свет маяка.
Приключений и трудностей полны
Чуть солёные дни моряка.

Письмо бывшей жене.

Прости меня, я не вернусь,
Устал от вечной нервозности.
Который год на сердце грусть,
Не слышишь ты мой голос робкий.

В одном халате, в бигуди,
На кухне снова пропадаешь...
Друзья сказали: "Уходи".
Как поступить? Не угадаешь.

И я решился, ухожу,
Хочу найти, кому я нужен.

Ключи под коврик положу,
Прости, не жди меня на ужин.

Возможно, где-то за углом
Другая ждёт меня с надеждой.
Я покидаю этот дом:
Погряз в быту, устал, повержен.

Я не вернусь, прошу развод.
От моря чувств осталась лужа.
Прощай. Будь счастлива. И вот:
Другого можешь выбрать мужа.

Акростих.

Мечтам, увы, уже не сбыться
Елей давно сгорел в лампаде.
Ловлю на мысли: мне б не спиться,
А за окном - сад в листопаде.
Налью коньяк, а лучше виски.
Хотелось счастья, но не будет.
Омлет, картошка и сосиски
Лежат закускою на блюде.
Излечит водка лишь на вечер.
Я знаю, мой диагноз – вечен.

Лимерики.

Марисабелла из Камбоджи
Купила сумочку из кожи.
Но сомневаются соседи:

"Кажись, надули нашу леди,
На кожу вовсе не похоже."

На какую-то тётю в Марселе
Неожиданно брюки не сели.
Всю неделю худела,
На тефтелях сидела,
Но помогут ли тёте тефтели?

Тётя Клава из Северограда
Не боится ни снега, ни града.
У неё новый шлем:
Защитит от проблем
Тётю Клаву из Северограда.

Обезьянка по имени Янка
Разводила с утра валерьянку.
Впереди Новый год,
Придёт праздновать кот.
Вот такие дела спозаранку.

Дед Арсений из Нового Рима
Самогон пил всю осень и зиму.
На душе - сладкий мёд,
Только бабка орёт,
Но пьянчугу жалеет незримо.

Рецепт шарлотки.

Разогрей, сестра, духовку,
На сто восемьдесят жар.

Испечём шарлотку ловко,
Ту, что папа обожал.

Три яйца возьмём куриных,
В пену плотную взобьём.
Первый сорт, не "голубиных" ,
Чтобы больше стал объем.

Постепенно добавляем
Полный сахара стакан.
Шустро миксер направляем,
Не стоим как истукан.

И ещё стакан с мукою
В тесто медленно введём.
Пот утри со лба рукою.
Мы у цели, к ней идём.

А теперь нарежем яблок,
Хочешь, два, а, хочешь, три.
Кто не справится, тот жалок.
Это просто, посмотри.

Есть ли пекарский пергамент?
Если нет, то масло лей.
Форму, как гласит регламент,
Надо смазать. Не желей!

Ровным слоем, аккуратно,
Закрывая плотно дно,

Дольки яблок высыпь знатно,
Чтоб смотрелись как одно.

Выливаем сверху тесто,
Накрывая фруктов пласт.
Не забудь оставить место,
Ведь подъем шарлотка даст.

Отправляй в духовку смело.
Через тридцать пять минут
Доставай всё это дело.
Гости пусть к столу идут.

Лодка.

Разрезая волны остроносо,
Лодка резво двигалась к причалу
Мимо живописного утёса,
Где её особенно качало

То морским теченьем торопливым,
То беспутным бризом переменным,
От Луны зависимым приливом...
Курс её остался неизменным.

Где-то там, на пирсе у причала,
Вглядываясь вдаль, нахмутив брови,
Девушка любимого встречала,
Моряка с рапою вместо крови.

Поезда-вокзалы.

Сколько встреч и разлук повидали вокзалы?
Столько звёзд в небесах, никогда их не счесть.
Мельтешение лиц, наполняющих залы...
Беспокойство и грусть по ним можно прочесть.

Рельсы тянутся вдаль как артерии жизни,
Путеводная где-то сияет звезда.
Лишь гудок у перрона отчаянно взвизгнет,
Пассажиры торопятся сесть в поезда.

Цель - пробраться на место как польский лазутчик,
Миновав вереницу из чьих-то поклаж.
Для кого-то найдётся отличный попутчик,
А других одиночество вводит в кураж.

Так и едут, общаясь компанией дружной
Или мирно читая газету в углу.
Бесконечной дорогой, железной и нужной,
Устремляется поезд в рассветную мглу.

Когда клубится туман.

Утро выдалось пасмурное, туманное. На дворе стояла глубокая осень, то самое время, когда размываются границы между двумя холодными сезонами, и не угадаешь, то ли ботинки обувать зимние на меху, то ли доставать резиновые сапоги и непромокаемый плащ.

Именно в такую погоду мне «посчастливилось» везти сына в санаторий. Вещей взяли не много, в основном это была одежда да пара гаджетов, без которых не видит смысла своего существования современная молодёжь. Сашка сложил сумки в багажник автомобиля и плюхнулся на переднее сиденье рядом со мной.

- Всё взял? – спросила я сына.

- Вроде, - неопределённо ответил подросток, пожав плечами.

В свои тринадцать лет Сашка выглядел на все пятнадцать. Стройный неуклюжий мальчик с красивыми, немного крупными чертами лица, густыми каштановыми волосами, и зелёными, цвета цветущего болота, глазами. Имея привычку смотреть немного исподлобья, он казался серьёзным, даже суровым. Но любая мимолётная шутка моментально вызывала сияющую улыбку, глаза загорались озорными огоньками, и в зрачках начинали танцевать чертята. Куртка на сыне была тонкая, осенняя, как, впрочем, и обувь. В машине не замёрзнет, да и на дорогу планировалось потратить не больше часа.

Звук заведённого мотора порвал рассветную тишину. В шесть утра город ещё спал. Нам хотелось выехать пораньше, чтобы успеть на завтрак. Говорили, что в санатории хорошо кормят, а Сашке не помешало бы немного набрать вес.

Мы размеренно ехали по чуть обледенелой дороге. Туман сгущался, поглощая чернеющие деревья, мелькавшие вдалеке, и влажные блестящие крыши изредка встречавшихся домов. Даль окутывалась молочной мглой. То и дело выплывали мигающие огоньки, неожиданно оказываясь то справа, то слева.

Я сбавила скорость. Видимость ухудшалась. Сашка мирно дремал рядом, чуть вздрагивая во сне.

Туман клубился по земле огромными грязноватыми кусками ваты, затягивая в плотную паутину всё, что встречалось на пути. Мир вокруг погрузился в седую неизвестность, и только опоры линий электропередач сопротивлялись неудержимому природному явлению, чётко вырисовываясь каждые несколько десятков метров.

Машина двигалась очень медленно. Пугал каждый предмет, неожиданно выскакивающий на меня из густого тумана. Встречный транспорт появлялся редко, но от внезапности, с которой он вырисовывался у меня перед носом, на расстоянии чуть ли не вытянутой руки, перехватывало дух и замирало сердце.

Наконец, спустя полчаса езды буквально «на ощупь», молочная мгла начала потихоньку рассеиваться. Появились смутные очертания линии горизонта, и можно было увидеть рассветное солнце, когда оно проглядывало бледным нечётким пятном сквозь клубящийся туман и горело жалким светом, словно через силу отдавая скудные лучики тепла.

Окрестность прояснялась, силуэты становились чётче и понятнее. Я расслабилась и прибавила скорость, когда увидела размытые контуры санатория. Мы успевали к завтраку.

Дорога упёрлась в высокий металлический забор. Рядом находился пропускной пункт. Будка охраны была открыта, но нам навстречу никто не вышел. Видимо, сторож спал.

- Приехали, - громко отрапортовала я, выходя из сухой, тёплой машины в промозглую хмурую осень.

Сашка заворочался и нехотя открыл глаза. В первые секунды он не понял, где находится, но мрачное трёхэтажное здание, возвышающееся за кованым заграждением, окружённое не менее мрачным старым парком, напомнило ему о том, где он проведёт осенние каникулы.

Забрав сумки из багажника, мы отметились на пропускном пункте. Заспанный сторож проверил паспорта и неопределённо махнул рукой, указывая путь.

К санаторию вела широкая бетонная дорога. Вокруг возвышались вековые деревья, торжественные в своём преклонном возрасте. Горделиво раскинув сильные ветви, местами обезображенные болезнями и вредителями, они нависали над нами, убаюкивая тихим шуршанием под порывами ветра. Воздух, кристально чистый и прозрачный, начинал наполняться утренними звуками. То чирикнет синица, то каркнет пролетающая над головой ворона, то донесётся еле различимый разговор отдыхающих, начинающих день с оздоровляющей прогулки по парку.

В санатории нас встретила управляющая: улыбчивая женщина средних лет. Вручила мне стопку анкет для заполнения, а сама повела Сашку в столовую на завтрак. К её возвращению документы были готовы, и я получила ключ от номера.

Тем временем вернулся сын. За ним по пятам шли ещё двое мальчишек лет тринадцати - четырнадцати, похожие друг на друга, как две капли воды. «Близнецы», - подумала я. На голову ниже Саши, они были одеты в пуховики, такие же одинаковые, как и дети. Светлые волосы выбивались из - под шапок, надетых набекрень. Карие глаза, обрамлённые белыми пушистыми ресницами, смотрели на меня с ожиданием. Было заметно, что ребята спешили.

- Mam, это Глеб и Влад, - сын представил мне новых знакомых. – Мы познакомимся в столовой. Они обещали показать лошадей.

- У нас кое- что осталось после завтрака, - уточнил один из мальчиков, протягивая мне руку, - Хотим покормить животных.

На ладони у ребёнка лежали кусочки белого хлеба, заботливо завернутые в бумажную салфетку.

- Меня возьмёте с собой?- поинтересовалась я.

- Что ж не взять? Идёмте.

Мы вышли из здания и направились по дорожке через парк. Мальчишки рванули вперёд. Саша вопросительно оглянулся на меня, и, увидев доброжелательную

улыбку и еле заметный кивок головой, побежал вдогонку за новыми знакомыми, которых уже считал друзьями.

Я неспешно шла следом, слушая мелодичную переключку птиц и любуясь окружающей природой. Тропа была отсыпана мелким гравием, который не давал ей раскиснуть. Я наступала смело, будучи уверена, что обувь не испачкается. Голые кусты, густо разросшиеся с обеих сторон от дороги, цеплялись за ноги тонкими ветками-прутиками, словно пытались остановить незваных гостей.

Через некоторое время я увидела высокий спуск, благородно оформленный металлической лестницей. Ступени были скользкие, но перила позволяли безопасно сойти вниз. Широкая площадка – и ещё один спуск. Места казались заброшенными, не хоженными, а я уже прилично отстала от мальчишек, не было слышно их весёлого гомона.

В воздух, по-осеннему свежий и невесомый, с запахом прелой листвы, начал вплетаться аромат терпкого лошадиного помёта. Я поняла, что конюшня где-то близко. Деревья редели, кусты мельчали и уже не могли дотянуться до меня короткими тонкими веточками. Сколько мы уже шли? Полчаса, не меньше.

Наконец, показался забор, отделяющий территорию санатория от окружающего мира. Небольшая дыра, аккуратно выломанная в ограждении, свободно пропускала взрослого человека. Я нырнула в отверстие и увидела загон для лошадей. Ограда была высокой, не меньше двух метров, выполнена из обрезных досок, набитых в три ряда. Дерево потемнело от старости, но на вид казалось крепким. Грунт внутри загона размяк. Почва вперемешку с песком не выглядела подходящей поверхностью для выгула. Метрах в пятидесяти чернело здание конюшни.

Мальчишки уже кормили животных, протягивая куски мягкого столовского хлеба. Я направилась к загону.

Лошадей было три, все каурые. У одной на лбу шестиконечной звездой белела отметина. Её кормил Сашка. Сын боялся подойти слишком близко. Как и многие городские жители, он с опаской относился к домашнему скоту. Отойдя на расстояние вытянутой руки, ребёнок протягивал животному хлеб, держа его кончиками пальцев. Лошадка просовывала голову между досок загона и тянулась к еде, пытаясь схватить лакомство мягкими влажными губами. Прожевав кусок, она опять тянула голову, зная, что в бумажной салфетке, зажатой в руке, есть ещё.

Убедившись, что весь хлеб съеден, животные некоторое время постояли перед мальчишками, а потом развернулись и медленно побрели по слякотному грунту.

- Мы с Владом третий день их кормим, а они не дают себя погладить, - сказал Глеб. – Гордые.

- Я здесь две недели отдыхать буду, за это время приручим, - убедительно ответил Сашка.

Мы пошли в сторону санатория. Надо было успеть вернуться к обеду.

- В этой конюшне ещё одна лошадь живёт, - неуверенно продолжил Глеб. - Но она не совсем настоящая.

- Как так? Игрушечная что ли?- удивился сын.

- Нет, она – призрак.
- Не может быть, приведений не бывает.
- Бывает! Хочешь, докажу?
- Докажи!
- Наш номер находится на четвёртом этаже, окна выходят на парк. Вчера ночью я проснулся и пошёл попить воды. Случайно в окно глянул, а там – призрак: всадник на белой лошади по дорожке парка скачет галопом. А главное, всё туманом заволгло, но его видно хорошо.
- Может быть, это настоящий всадник был. С чего ты взял, что видел приведение? – не поверил Сашка.
- Лошадь в темноте светилась как новогодняя игрушка. Таких живых не бывает. Я Влада разбудил, пойдём, говорю, посмотрим. Одному страшно. Мы оделись и выбежали на улицу.
- Как же вас отпустили одних ночью? – не удержалась я.
- Входная дверь корпуса изнутри запирается, никто её не сторожит. Открыли и вышли, - простодушно ответил Глеб. – Всадник на лошади ещё катался. И сияние от них исходило.
- Точно, точно, - вмешался в разговор Влад. – Призрак это был.
- Сфотографировал? – спросил сын.
- Нет, телефон в номере остался. Не до него было. Можно подождать, когда стемнеет и посмотреть. Думаю, привидения каждую ночь гуляют. Работа у них такая – людей пугать, - благоразумно рассудил Глеб.

Какое – то время все шли молча. Я переосмысливала полученную информацию, не зная, верить детским рассказам или нет. Вечером собиралась вернуться домой, но любопытство подстёгивало остаться на ночь и проверить фантастическую историю про приведение.

Когда мы добрались до санатория, решение уже было принято. Договорившись с управляющей, что останусь до утра, я сама себя не узнавала. Но слова Глеба звучали настолько искренне и были столь убедительны, что не поверить ему было трудно.

Сашка совсем не удивился, узнав, что мой отъезд отложен до утра. Он как будто чувствовал, что эта история не оставит в покое, пока я в ней не разберусь. Да и сын с вечера зарядил смартфон, чтобы успеть сфотографировать паранормальное явление, предварительно уточнив у мальчишек, во сколько призрак выходит на прогулку. Оказалось, видели его в районе четырёх часов, в то предрассветное время, когда ночь наиболее темна, и только миллиарды звёзд на тёмно-синем небосводе пытаются сгладить беспроглядную мглу тусклым неровным светом.

Установив будильник на полчетвёртого, мы легли спать. Сон пришёл не сразу. Сашка тоже ворочался, привыкая к новому месту. Постепенно посторонние скрипы, треск и шуршание соединились в один далёкий фоновый шум, и я уснула.

Писк будильника вырвал меня из царства морфея. Одевшись, я разбудила сына. В школу он всегда вставал тяжело, и, даже чища зубы и завтракая, ещё долго «клевал» носом, щуря сонные глаза. А сейчас, в четыре утра бодро подскочил с кровати и пошёл умываться.

Я уже стояла у окна, наблюдая за погодой на улице. Над землёй опять висел туман, такой же, как вчера. Плюс ко всему, с неба начала сыпаться крупа: уже не дождь, но ещё не снег. Площадку перед санаторием освещал один-единственный фонарь, возвышающийся до второго этажа, и на его фоне капельки влаги, парящие в воздухе, искрились и переливались. В голову начали приходить мысли, что я, взрослый человек, глупо поддаюсь детской фантазии.

- Мам, смотри, призрак! – крикнул Сашка.

Его голос, громкий и звонкий, резко прозвучал в ночной тишине, немного напугав не только меня, но и его самого. Я тщательно вглядывалась в окно.

Вот, за кустами что-то появилось. Размытая фигура бесформенным пятном выкатилась на дорожку, и различить её было сложно из-за темноты и густого тумана. Я следила за движением, ожидая, когда нечто или некто пройдёт под фонарём. Наконец, фигура направилась к освещённому участку. Я в предвкушении «прилипла» к стеклу. Сначала из сумрака показалась голова лошади. Она выплыла из непроглядного тумана как каравелла, качающаяся на волнах. Потом появился мощный торс с сидящим на нём всадником, а следом - пышный хвост, слегка развевающийся на ветру. Вроде бы и ничего необычного, но животное, как и наездник, сияло под светом фонаря как неземное существо. Лошадь была белая и сверкающая, как будто посыпанная миллиардом искрящихся блёсток, которые накладывают на лицо молоденькие девушки, собираясь на дискотеку. Заострённые уши постоянно шевелились, реагируя на малейший шорох, из ноздрей валил пар, и вся она излучала поистине королевскую уверенность, как будто обходила свои владения уже не первый раз и чувствовала себя в полной безопасности. Бока её лоснились от хорошего питания, а грива и хвост выглядели свежерасчёсанными. Наездник тоже был в белом одеянии, сидел с горделивой осанкой. Его одежда сияла под светом фонаря.

Сашка забыл про смартфон, которым хотел сфотографировать призрак. Не шевелясь, ребёнок стоял около окна, не в силах оторваться. Наездник проехал под окнами и скрылся в утреннем тумане.

- Этого не может быть, - только и вымолвил сын перед тем, как снова лечь спать.

Я ничего не ответила. Только улыбалась.

На следующий день я собралась домой. Но перед отъездом расспросила управляющую про странного рассветного всадника.

- Вы про призрак что ли?- спросила она, рассмеявшись тем искреннем смехом, на который способны только добрые, открытые люди. - Это Иван Васильевич, конюх наш, Юнону выгуливал. Капризная кобыла, с норовом. Красивая как сказка, но задиристая. В одном загоне с другими лошадьми не ужилась, приходится отдельно с ней возиться. С утра отдыхающие спят, парк свободен, вот и катается на ней. Мы уже говорили, поменяй на другую лошадь, покорную, но Иван Васильевич упёрся, говорит, эта нравится, буду приручать. Какой год муштрует, и

всё безрезультатно. Любит её, беспутную, в такую рань встаёт, чтобы дрессировкой заняться.

Поблагодарив управляющую, я поехала домой. Конечно, мне сразу было понятно, что это никакой не призрак, а обычная белая лошадь, которую припорошило лёгким снежком. Благодаря тусклому электрическому свету и его особому преломлению казалось, что лошадь сияет и искрится. А густой туман в сочетании с ранним утром способен придать особую таинственность любым вполне обыденным вещам.

Но я ничего не сказала сыну. Он сам скоро поймёт, что приведений не бывает. А пока не поймёт, пусть живёт верой в таинственное и невероятное.

Жорик.

Катюша сильнее склонилась над кухонной раковиной коммунальной квартиры, где в грязной воде плавала сырая картошка. Приловчившись, и растопырив шире пальцы, чтобы не лезть всей пятерней в серую жижу, она схватила один овощ за возвышавшийся над водой бочок. Картошка выскользнула из неумелой ладошки и нырнула обратно, подняв облако брызг.

"Черт!"

Девушка отшатнулась от раковины, но было уже поздно. Лицо покрылось горошком грязных капель, которые, скатываясь, оставляли на молодой розовой коже мокрые землистые дорожки.

Катя злобно отшвырнула нож и обтёрлась вафельным полотенцем, висевшим тут же на гвоздике, Настроение было безнадежно испорчено.

К картошке возвращаться не хотелось, а в холодильнике нашлась упаковка шампиньонов и десяток перепелиных яиц, предусмотрительно купленных соседкой «на всякий случай».

Пустая сковорода уже стояла на плите.

«Хорошо, хоть чистая», - вздохнула девушка, включила газ и налила немного масла на дно посуды. «Пусть будет омлет. С грибами», - решила она.

В ногах крутился годовалый чихуахуа Жорик, мелко дрожа крепким, поджарым, двадцатисантиметровым телом. Пёсик то и дело становился на задние лапы и, пританцовывая, шевелил ушами на круглой, как яблоко, голове.

- Собака называется, - проворчала девушка, пробуя почти готовый омлет прямо с горячей сковороды. – Даже нормально попросить ничего не можешь. Гавкни, что ли, для приличия.

Пёсик посмотрел на хозяйку большими влажными глазами, в которых не было и тени разума. Тёмный вздёрнутый нос зашевелился, лоя витающие в воздухе

ароматы готовящейся еды. Катюша переставила сковороду на стол и удобно устроилась на стуле.

Жорик устроился в ногах хозяйки, уже не рассчитывая на еду. Но девушка смилостивилась, и рядом с чихуахуа приземлился большой и блестящий кусок омлета.

- Ешь, Жора, ты плохо выглядишь! – добавила она, заметив замусоленную, давно не мытую шерсть собаки. - Вот жили бы мы во дворце, - размечталась Катюша, облизывая вилку, - кормила бы тебя омарами, мраморной говядиной и трюфелями. И сама бы на золоте ела серебряными ложками. И "лабутены" бы рядами в шкафу стояли, и от сумочек крокодиловых полки ломились бы...

- А хочешь, так и будет, - сказал Жорик, не мигая. И глаза его на выкате ещё больше выкатились.

Девушка выронила вилку, но не растерялась.

- Хочу, - говорит. - Надоело быть церковной крысой. Тебя - и то не купила, случайно мне перепал.

- Ага, перепал, - передразнил пёсик. - Предложила богатой подружке со мной погулять, а потом сказала, что сбежал. Воровка!

- Ну-ну! Что ты там предлагал?

- Деньги. Шмотки элитные. Украшения ювелирные.

- Машину?

- И машину.

- "Лексус"?

- Можно и "Лексус".

- И что надо делать? - всполошилась Катюша.

- Работать иди, а не в коммуналке телик смотри целыми днями, - нравоучительно произнёс Жорик и меланхолично доел кусок омлета с пола. - На общей кухне и то – грязь развела, лентяйка!

Пёсик подвинул стул к мойке и неуклюже на него залез.

Девушка смотрела на собаку и не верила своим глазам и ушам.

Жорик тем временем включил воду, помыл картошку и с неожиданной ловкостью почистил её.

- Вечером пюре пригостишь, - приказным тоном сказал пёсик, спрыгнув со стула и задвинув его на место. - А то привыкла кусками питаться.

Тут на кухню зашла соседка по комнате.

- Катька, что с тобой? - воскликнула она, увидев прислонившуюся к стене, белую как мел девушку.

- Я, кажется, грибами отравилась, - еле шевеля губами, ответила Катюша.- Вызови "скорую".

Арсений.

Глава 1.

Так получилось, что церковь построили на краю деревни. Давно это было. Вокруг овраги да лес, а на поляне - божий дом белокаменный куполами небо подпирает. Крыши сусальным золотом блестят, переливаются; кресты святые усталые путники издалека видят.

В деревенскую церковь поп Арсений пришёл служить сразу после семинарии, ещё борода не успела вырасти. Плечистый, приземистый, поступь важная, издалека видно, что человек не простой.

И всё бы хорошо, но домой приходилось возвращаться через лес: густой, тёмный, заросший мхами и лишайниками. Не любил он это дело, а попросту боялся, поэтому уходил со службы засветло, благо до селения добираться не долго, минут двадцать.

Однажды задержался пастырь овец православных допоздна. Святыми делами занимался, не заметил, как время пролетело. Вышел, а на улице стемнело давно. Вдохнул поп, ворота церкви закрыл и пошёл по тропинке через лес. Неожиданно голос за спиной раздался:

-Снимай, - говорит, - крест нательный да цепь золотую, а то убью. Дух испустишь, я тебя в лесу закопаю, никто не найдёт.

Оборачивается батюшка, а там пьяница местный, разбойник и балагур, с лопатой наперевес стоит.

-Снимай, - говорит, - не гневи.

И инструмент над головой заносит.

Видит Арсений, положение безвыходное. Сорвал с себя цепь золотую и крест драгоценный, отдал разбойнику. Тот взвесил в руке в добычу, ухмыльнулся:

- Никак целый фунт весит?

- Покарает тебя Бог, нечестивец! - пригрозился поп в ответ.

Но пьяница его уже не слышал: сунул золото в карман и исчез в ночном лесу.

Что оставалось делать священнику? Пошёл дальше по тропинке. Деревья над ним нависают, ветки торчат во все стороны, так и норовят попа за рясу ухватить. И ни одного живого существа: ни зверя пушного, ни птицы, ни насекомого. Страшно. Идёт Арсений и «Отче наш» читает вполголоса.

Слышит – вдалеке шум мотора. Почудилось? Ан нет, мотоцикл приближается. Кто-то из местных запоздал, домой торопится. Фары слепят, не поймёт священник, кто это.

Остановился мотоцикл, свет потушил. Глядь, Фёдор - печник. Обрадовался поп, говорит:

- Здравствуй, сын мой. Подвези до деревни, коли на пути повстречался.

- Садись, - отвечает мужичок. – А где крест твой?

- Разбойник окаянный отобрал. Бес попутал несчастного. Дай Бог сил до деревни добраться, там его и найду.

Священник взгромоздился на заднее сиденье. А Фёдор к нему поворачивается и странным голосом говорит:

- Без защиты, батюшка, остался.

Глазами красными на Арсения пялится, и рожки сквозь шевелюру пробиваются.

- Свят, свят, свят! – зашептал священник и крестным знаменем осенился. И быстрее с сидения слезть. Но не тут-то было! Обернулся, а сзади женщина восседает нагая, грудь к нему прижимается.

- Куда, милый, торопишься? Оставайся, долетишь с ветерком, - говорит.

И ещё ближе жмётся. Глаза горят, волосы рыжие торчат, на голове рожки остренькие такие, как у Фёдора.

Не успел поп слезть. Мотоцикл тронулся и, газанув, взлетел вверх над деревьями. А внизу леса проплывают, поля. Деревня родная вдали осталась. Ведьма смеётся, говорит:

- Потерпи, скоро с родственниками нашими познакомлю. Вот они обрадуются!

Сидит Арсений, ни жив, ни мёртв. Нащупал в кармане веточку вербы засушенную, с праздничного воскресенья осталась. Сломал пополам, да крестом сложил.

Поднял самодельный символ веры над собой и зычным голосом запел:

-Изыди, изыди, изыди! Именем господа молю!

Мотоцикл сразу скорость сбавил и опускаться начал. Колеса земли коснулись, Арсений тут же с сидения прыгнул, по земле покатился. Ведьма к нему повернулась, пальчиком погрозила и сладко так сказала:

-Прощаться не будем. Да, милый?

Мотоцикл вновь газанул и скрылся в ночном небе.

Встал Арсений, отряхнулся. Вокруг глянул, а деревня совсем рядом. Поблагодарил бога и трусцой к домам побежал.

Глава 2.

Наутро поп пошел искать цепь золотую и крест нательный. Дошёл до избы пьяницы, дверь открыл без стука.

-Выходи, - говорит, - нечестивец. Вещи святые отдавай.

А в доме пусто. Комнату пересёк, смотрит, под столом кто-то шевелится. Заглянул под скатерть – пьяница сидит на четвереньках. Увидел попа и говорит:

- Гав!

- Допился до белой горячки, - ухмыльнулся Арсений. – Крест мой где?

Мужичок на карачках к окну подбежал, на подогнутые ноги встал как собака и глазами на стекло указывает. Священник за взглядом проследил: дерево во дворе, а на самой верхушке цепь золотая висит.

- Спаси господи! – промолвил поп и отправился за вещами.

Рясу повыше задрал и на дерево полез. С ветки на ветку перебирается и думает, как бы не упасть. Немного осталось.

Глядь, ворона подлетает, золотую цепь хватает. В клюве держит, и тоже с ветки на ветку перепрыгивает, как будто дразнится.

- Чёртова птица, - выругался священник.

С дерева слез и камень побольше взял. Раз кинул, другой. Ворона цепь выронила и женским голосом говорит:

- Вечером увидимся. Да, милый?

Смотрит на неё Арсений и видит черты лица рыжей ведьмы: глаза злые красные, рот в ухмылке кривится.

Зажмурился, головой потряс. Подобрал с земли символ веры на цепочке золотой, надел на шею и перекрестился. Ворона исчезла, как будто и не было.

«Лечиться мне пора, - подумал поп.- Чертовщина всякая мерещится».

Часть 3.

Вернулся домой Арсений. Решил в церковь сегодня не ходить. Службу пропустит, ничего страшного. В следующий раз отмолит. Видит бог обстоятельства, простит. Прилёг на кровать. Перина мягкая, пуховая. Голова в подушке утонула. Кот Мурзик на живот прыгнул, лапками перебирает, мурлычет. Глаза сами закрываются. И неприятности далеко-далеко. Повернулся в полудрёме на бок, лежит. Чувствует, плечо упёрлось во что-то мягкое. «Мурзик, наверное, перелез с живота, на руке устроился, шерстью щекочет», - думает поп.

Глаза чуть приоткрыл, руку протянул: погладить скотинку захотелось. А там - копна волос рыжих и лицо с ухмылкой.

- Здравствуй, вот и свиделись, - говорит ведьма, в глаза заглядывает и жмётся к нему телом обнажённым. Руками холодными шею обвивает, да так крепко, что того и гляди задушит.

Оттолкнул Арсений чертовку, бежать решил. Но остановился. Неужели он, образованный священнослужитель, с нечистой силой не справится? И крест при нём, и псалтырь, и иконостас на пол-избы.

Ведьма на полу сидит, змеёй извивается. Потихонечку к попу подползает.

- Не отвергай, - говорит, - пожалеешь. Фёдор полюбил меня, и ты полюби.

И только сказала, в избу вошел печник. В руках топор, глаза – бешеные. Увидел голую ведьму в ногах у Арсения, по-волчьи взвыл и на попу кинулся.

Священник к иконостасу бросился, упал на колени перед святыми образами и молиться начал. Да с такой неистовой силой, с верой непоколебимой, что вокруг себя не слышал ничего и не видел. Молился до беспамятства.

Очнулся утром. Над ним Фёдор склонился, вида человеческого, без чертовщины.

- Вставай, батюшка, - говорит и за плечо тормозит. - На полу холодно спать.
- Зачем пришёл, сын мой? – спросил Арсений, открывая глаза. А сам думает: "Слава богу, отмолил одержимого".
- Жениться хочу на рыжеволосой красавице. Пришёл просить благословения. Обвенчаешь?